

АРТУР ҚОНАН
ДОЙЛ

*Маракотова
бездна*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Артур Конан Дойл
Маракотова бездна

«Азбука-Аттикус»

1892,1928

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Маракотова бездна / А. Дойл — «Азбука-Аттикус»,
1892,1928 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-21452-1

В настоящее издание вошли два фантастических романа Артура Конан Дойла: «Маракотова бездна» и «Открытие Рафлза Хоу». «Маракотова бездна» — один из самых известных романов Конан Дойла. Это захватывающая история об экспедиции под руководством профессора Маракота, решившего исследовать дно глубочайшей океанской впадины и обнаружившего там удивительный мир, неведомый ни одному человеку на поверхности земли. В романе «Открытие Рафлза Хоу» рассказана история самого богатого человека в мире, сумевшего раскрыть тайну производства золота и решившего осчастливить все человечество, избавив его от нищеты. Однако влияние золота на человеческое сердце непредсказуемо...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21452-1

© Дойл А., 1892,1928
© Азбука-Аттикус, 1892,1928

Содержание

Маракотова бездна	5
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Артур Конан Дойл Маракотова бездна

Маракотова бездна

I

Так как эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении паровой яхты «Стратфорд», которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения жизни морских бездн. Организовал экспедицию Маракот, доктор географических наук, знаменитый автор «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных». Доктора Маракота сопровождал мистер Сайрес Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Судно вёл капитан Хови, опытный моряк. Команда состояла из двадцати трёх человек, в их числе американец – механик с завода «Мерибэнкс» в Филадельфии.

Все они – и команда, и пассажиры – исчезли без следа, и единственным воспоминанием о «Стратфорде» было донесение одного норвежского барка, который встретил корабль, вполне подходивший к приметам погибшего судна, и видел, как он пошёл ко дну во время сильной бури осенью 1926 года. Позже по соседству с местом, где разыгралась трагедия, был найден спасательный ящик с надписью «Стратфорд»; там же плавали решётки, сорванные с палубы, спасательный буюк и части спардека. Всё это вместе с отсутствием каких-либо сведений о корабле создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о нём, ни о его команде. Ещё больше подтвердила эту уверенность случайно перехваченная в то время странная радиограмма, не совсем понятная, но не оставляющая сомнений в трагической судьбе парохода. Текст радиограммы я приведу позже.

В своё время в подготовке экспедиции были отмечены некоторые особенности. Прежде всего, необычайная таинственность, которой окружал экспедицию профессор Маракот. Он был известен как ярый враг всякой гласности, враг газетной шумихи, и эта его черта особенно ярко проявилась в том, что он отказался давать интервью и не допустил представителей печати на судно, когда «Стратфорд» ещё стоял в доке Альберта. За границей ходили слухи об установленных на корабле новых оригинальных приспособлениях, предназначенных для исследования жизни на больших глубинах, и эти слухи были подтверждены правлением заводов «Хэнтер и компания» в Вест-Хартлпуле, где конструировались и строились эти аппараты. Утверждали, что всё днище корабля может отделяться, и это обстоятельство привлекло особое внимание страховой компании, которую с большим трудом удалось успокоить. Вскоре обо всём этом забыли, но теперь, когда новое неожиданное обстоятельство заставило всех вспомнить о судьбе исчезнувшей экспедиции, это приобрело особый интерес.

Таковы обстоятельства, сопровождавшие отплытие «Стратфорда». В настоящее время существует четыре документа, относящиеся к этой экспедиции.

Первый из них – письмо, написанное мистером Сайресом Хедли из Санта-Круса, столицы Больших Канарских островов, его другу сэру Джеймсу Толботу из оксфордского Тринити-колледжа, которое было отправлено во время единственного известного нам после отплытия пребывания «Стратфорда» в гавани.

Второй – странный призыв по радио, о котором я упоминал. Третий – та часть судового дневника «Арабеллы Ноулз», где говорится о стеклянном шаре. Четвёртый и последний

– удивительное содержание шара, которое является либо злой и непонятной мистификацией, либо открывает новую главу человеческих достижений, важность и значение которых трудно преувеличить. Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в моё распоряжение сэром Джеймсом Толботом и до сего времени ещё не опубликованное. Оно датировано 1 октября 1926 года.

«Посылаю вам это письмо, дорогой Толбот, из Санта-Круса, где мы остановились на отдых на несколько дней. На корабле почти всё время я проводил с Биллом Сканленом, главным механиком; он мой земляк, у него удивительно общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. Но нынче утром я один: он отправился на берег, у него, как он выражается, „свидание с девчонкой“. Разговаривает он именно так, как, по мнению англичанина, должны разговаривать настоящие американцы.

Вы встречали Маракота и знаете, какой он сухарь. Я вам, кажется, рассказывал, как он пригласил меня к себе работать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервиллю из Зоологического института. Сомервиль послал ему мою премированную работу о морских крабах, и это решило дело. Разумеется, великолепно, когда можно работать по специальности, но я предпочёл бы сотрудничать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так стремится к уединению, так поглощён своим делом, что в этом есть что-то нечеловеческое. „Самый чёрствый сухарь на свете“, – выразился про него Билл Сканлэн. И однако, нельзя не преклоняться перед таким учёным. Для него ничего не существует, кроме его науки. Помню, как вы смеялись, когда я попросил его порекомендовать мне литературу для подготовки к плаванию, а он ответил, что в качестве серьёзного пособия следует прочесть полное собрание его сочинений, а в качестве лёгкого чтения – геккелевские „Планктонные работы“¹.

Я знаю его сейчас не ближе, чем тогда, в маленькой приёмной с видом на Оксфорд-Хэй. Он ничего не говорит, и его худощавое, суровое лицо – лицо Савонаролы² или, вернее, Торквемады³ – никогда не озаряется улыбкой. Длинный, тонкий, выдающийся вперёд нос, близко посаженные маленькие серые сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щёки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и суровой жизни, – вся его внешность не располагает к сближению. Он витает всегда где-то на вершинах мысли, вне пределов, достигаемых обыкновенными смертными. Временами мне кажется, что он не вполне нормален. Например, этот его диковинный аппарат... Но буду рассказывать по порядку, а вы уж сами разберётесь.

Итак, о начале нашего плавания. „Стратфорд“ – превосходная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями: мощные паровые лебёдки, ворота для траления, а также множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью новых; комфортабельные каюты и прекрасную лабораторию, оборудованную специально для наших исследований.

Ещё до отплытия „Стратфорд“ приобрёл репутацию загадочного корабля, и вскоре я понял, что эти слухи имели под собой почву. Начало нашего плавания было в достаточной степени обыкновенно. Мы направились в Северное море, раза два забрасывали тралы, но так как там глубина редко превышает восемнадцать метров, а наш корабль оборудован специально

¹ «О планктоне» – название одной из монографий Эрнста Геккеля (1834–1919) – немецкого естествоиспытателя, видного последователя учения Чарльза Дарвина.

² Джироламо Савонарола (1452–1498) – итальянский проповедник-реформатор, изобличавший распущенность духовенства, тиранию Медици, создатель Флорентийской республики. Когда сторонники его были разбиты папистами, его обвинили в ереси и сожгли.

³ Томасо Торквемада (1420–1498) – глава испанской инквизиции, первый Великий инквизитор.

для глубоководных работ, это, в сущности, было пустой тратой времени. Во всяком случае, кроме обычных видов рыб, идущих в пищу, каракатиц, слизняков и проб со дна морского, состоящих из аллювиальной глины, мы не вытащили ничего примечательного. Потом мы обогнули Шотландию, прошли вблизи островов Фаро и добрались до рифа Вивилль-Томсон, где добыча была несколько интереснее. Затем мы направились к югу, к конечному пункту нашего путешествия, расположенному между Африкой и Канарскими островами. Однажды безлунной ночью мы чуть не сели на мель, в остальном же плавание наше протекало без всяких событий.

В эти первые недели я пытался сойтись поближе с Маракотом, но это оказалось делом нелёгким. Начать с того, что доктор – самый рассеянный и самоуглублённый человек на свете. Помните, как он дал мальчику-лифтёру пенни, полагая, что сел в трамвай? Полдня он проводит в размышлениях и, кажется, совсем не замечает, где он и что вокруг него происходит. Кроме того, он невероятно скрытен. Он целыми днями просиживает над бумагами и картами, но стоит мне войти в каюту, как он тут же их прячет. Я твёрдо уверен, что он что-то замыслил, но до тех пор, пока мы вынуждены проходить вблизи портов, не откроет нам своих планов. Таково моё впечатление, и вскоре я узнал, что Билл Сканлэн держится того же мнения.

– Слушайте, мистер Хедли, – сказал он как-то вечером, когда я сидел в лаборатории, исследуя результаты наших первых уловов, – как вы думаете, что на уме у нашего старика? Как по-вашему, что он такое затевает?

– Полагаю, – ответил я, – что мы займёмся тем же, чем занимался до нас „Челленджер“ и добрая дюжина других океанографических экспедиций, – откроем несколько новых разновидностей рыб, нанесём несколько новых данных на гидрометрические карты.

– Ничего подобного, – возразил Сканлэн. – Начинайте-ка гадать сначала. Ну, например, я-то здесь на что?

– Ну... на случай, если испортятся машины.

– Как бы не так! Какие там машины! Машина „Стратфорда“ на попечении Мак-Ларена, шотландского механика. Нет, сэр, не для того мерибэнкские ребята посылали лучшего своего механика, чтобы он чинил эти дурацкие керосинки. Недаром же мне гонят полсотни долларов в неделю. Шагайте за мной, я вас просвещу на этот счёт.

Он вытащил ключ, отпер дверь позади лаборатории и повёл меня по двойной лестнице в отделение трюма, где было почти пусто; только четыре какие-то крупные машинные части поблёскивали в массивных ящиках, упакованные в солому. Это были гладкие стальные плиты, снабжённые по краям болтами и задвижками. Каждая плита была размером примерно в десять квадратных футов и толщиной дюйма полтора, с круглым отверстием в середине дюймов восемнадцати диаметром.

– Что это за чертовщина? – спросил я.

Забавная физиономия Билла Сканлэна – у него лицо не то опереточного комика, не то боксёра – расплылась в улыбке.

– Это мой малютка, сэр, – заявил он. – Да, мистер Хедли, из-за него-то я здесь и нахожусь. К этой штуке есть ещё такое же стальное дно. Оно вон в том ящике. Потом есть ещё крышка вроде купола и большое кольцо то ли для каната, то ли для цепи. А теперь гляньте на днище яхты.

Я увидел квадратную деревянную платформу с винтами по углам. Это доказывало, что платформу можно сдвигать с места.

– Двойное дно, – подтвердил Сканлэн. – Вполне возможно, что наш хозяин спятил, а может, он соображает гораздо лучше, чем мы думаем, но, если только я его раскусил, он хочет соорудить нечто вроде водолазного колокола – окна вот здесь, запакованы отдельно – и спустить его вниз через дно яхты. Вот электрические прожекторы, и, я так думаю, он хочет осветить пространство вокруг стальной кабинки и через круглые амбразуры наблюдать, что кругом творится.

– Будь это так, проще было бы устроить на корабле прозрачное дно, – сказал я.

– Это вы верно смекнули, – согласился Билл Сканлэн и поскрёб затылок. – Вот я и не могу никак сообразить, в чём тут дело. Знаю только, что меня отрядили к нему помогать собирать эту дурацкую штуку. Пока он ничего ещё не говорил, я тоже молчу, но всё принохиваюсь, и, ежели он ещё долго будет молчать, я и сам всё узнаю.

Так я впервые соприкоснулся с нашей тайной. Погода сильно испортилась, но мы производили глубоководное траление юго-западнее мыса Юба, отмечая температуру и исследуя степень насыщенности морской воды солью. Глубоководное траление петерсоновским тралом – занятие увлекательное, он захватывает сразу три метра в ширину и загребает всё, что встречается на пути; опускаясь на глубину в четверть мили, он приносит одни породы рыб, с глубины в полмили – совсем другие: в разных слоях океана, как на разных материках, свои обитатели. Иногда с самого дна мы вытаскивали полтонны чистой розовой слизи, этого сырого материала будущей жизни. Иногда это бывал ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделённых между собой прослойками аморфной грязи. Я не стану перечислять вам этих бротулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что дары океана неистоцимы, и мы усердно их собирали. И всё время я не мог избавиться от ощущения, что не затем привёз нас сюда Маракот, что в этом сухом, узком черепе египетской мумии скрываются другие планы. Мне казалось, что это лишь репетиция, проба людей и аппаратов, за которой начнётся настоящее дело.

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег пройтись, ибо завтра рано утром мы отплывём. Я оказался на пристани весьма кстати, потому что разыгрался серьёзный скандал, причём в главных ролях выступали Маракот и Билл Сканлэн. Билл – известный задира, и, по его выражению, у него часто *кулаки чешутся*, но, когда вокруг столпилось с полдюжины испанцев, и все с ножами, положение моих спутников стало незавидным; было самое время вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые здесь называют пролётками, объехал пол-острова, обследуя его геологические особенности, но совершенно забыл, что не захватил денег, и извозчик стал отнимать у него часы. Тут за него вступился Билл Сканлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дела, дав доллар извозчику и пять долларов парню с подбитым глазом. Всё сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружили человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и поблагодарил за вмешательство.

– Да, кстати, мистер Хедли, – заметил он. – Насколько мне известно, вы не женаты?

– Нет, – ответил я.

– И на вашем попечении нет никого из близких?

– Нет.

– Прекрасно, – сказал он. – Я молчал пока о своих намерениях: у меня были причины держать их в тайне. Прежде всего я боялся, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие – как Амундсен осуществил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранил своё намерение в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Мой замысел так же смел и велик, потому я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к его осуществлению, и никакой соперник не успеет опередить меня. Завтра мы поплывём к нашей настоящей цели.

– Какая же это цель? – спросил я.

Он весь подался вперёд, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

– Наша цель, – сказал он, – дно Атлантического океана!

Здесь я должен остановиться, ибо думаю, что у вас, как и у меня, захватило дыхание. Будь я писателем, тут бы я, наверно, и закончил свой рассказ. Но так как я всего лишь летописец, то могу добавить, что пробыл ещё час в каюте Маракота и узнал много подробностей, которые успею передать вам, пока не отчалит последняя береговая шлюпка.

– Да, молодой человек! – сказал он. – Теперь вы можете писать что угодно. Когда ваше письмо достигнет Англии, мы уже нырнём.

Он усмехнулся. Он был не лишён некоторого суховатого юмора.

– Да, сэр, „нырнём“. Это самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок войдёт в историю науки. Я твёрдо убеждён, что ходячее мнение об огромном давлении океана на больших глубинах лишено оснований. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие, хотя пока я ещё не сумею сказать какие. Именно это одна из тех задач, которые мы должны решить. Как вы полагаете, каково давление воды на глубине одной мили?

Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

– Не менее одной тонны на квадратный дюйм, – ответил я. – Это доказано.

– Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите-ка мозгами, молодой человек! Весь последний месяц вы вылавливали самые нежные глубоководные формы жизни – существа столь нежные, что вам еле-еле удавалось перенести их из сетки в банку, не повредив их чувствительных покровов. Что же, это подтверждает существование чрезвычайного давления?

– Давление уравнивалось, – ответил я. – Оно одинаково изнутри и снаружи.

– Пустые слова! – крикнул Маракот, нетерпеливо дёрнув головой. – Вы вытаскивали круглых рыб, как, например, *gastrostomus globulus*. Разве их не расплющило бы в лепёшку, если бы давление было таково, как вы полагаете? Или же посмотрите на наши глубинные тралы. Ведь они не сплющиваются даже на самых больших глубинах.

– Но опыт водолазов...

– Конечно, его следует учитывать. Они действительно замечают увеличение давления, испытывая его действие на самый, пожалуй, чувствительный орган тела – внутреннее ухо⁴. Но по моим предположениям, мы совершенно не будем подвергаться давлению. Нас опустят вниз в стальной клетке с толстыми хрустальными окнами для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закалённой двухроманикелевой стали, оно не повредит нам. Мы продолжим эксперимент братьев Уильямсон в Насау, с которым вы, наверно, знакомы. Если мой расчёт ошибочен – ну что ж, вы говорите, от вас никто не зависит... Мы умрём во время великого опыта. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось, что это самый безумный из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказаться от вызова. Я решил оттянуть время для решения.

– На какую глубину вы намерены опуститься, сэр? – спросил я.

Над его столом была приколата карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

– В прошлом году я зондировал эти места, – сказал он. – Там есть очень глубокая впадина. Семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, в будущем вы найдёте её на картах под названием Маракотова бездна.

– Неужто вы собираетесь спуститься в эту бездну, сэр? – воскликнул я.

– Нет, нет, – с улыбкой ответил Маракот. – Ни наша спускная цепь, ни трубки для воздуха не достигают больше полумили! Но я хотел объяснить вам, что вокруг этой глубокой впадины, которая, несомненно, была образована вулканическими силами, находится приподнятый хребет или узкое плато, которое лежит на глубине трёхсот фатомов⁵.

– Трёхсот фатомов? Треть мили! – воскликнул я.

⁴ У млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода; среднее ухо, или барабанную перепонку; и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами и улиткой. Внутреннее ухо содержит в себе окончание слухового нерва.

⁵ Фатом равен 1,82 м.

– Да, примерно треть мили. Я хочу, чтобы нас спустили в маленькой наблюдательной кабинке именно на это плато. Там мы сделаем все возможные наблюдения. С судном нас будет соединять разговорная трубка, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений. Когда захотим, чтобы нас подняли, достаточно будет лишь сказать об этом в трубку.

– А воздух?

– Будет накачиваться к нам вниз.

– Но ведь там будет совершенно темно!

– Боюсь, что да. Опыты Фоля и Сарасена на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но какое это имеет значение? Мы будем снабжены мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами Хэллесена, соединёнными между собой, чтобы давать ток в двенадцать вольт. Вместе с сигнальной лампой Люка военного образца в качестве подвижного рефлектора нам этого вполне хватит. Что ещё вас смущает?

– А если наши воздушные трубки запутаются?

– Не запутаются! А на всякий случай у нас есть сжатый воздух, которого нам хватит на сутки. Ну как, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы? – спросил Маракот.

Решение предстояло нелёгкое. Мозг мой быстро работал, а воображение – ещё того быстрее. Я уже явственно представлял себе этот чёрный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спёртый воздух, видел, как гнутся стены камеры, как вода разрывает их в местах скрепления и проникает во все щели и трещины, которые всё расширяются... Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял взгляд: огненные глаза старика были устремлены на меня и в них светилось воодушевление мученика науки. Энтузиазм такого рода заразителен, и если это – безумие, то по крайней мере благородное и бескорыстное. Пламя его перекинулось на меня, я вскочил и протянул ему руку.

– Доктор, я с вами до конца! – воскликнул я.

– Я так и знал, – ответил он. – Я вас выбирал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, – улыбаясь, добавил он, – а также и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые могут оказаться для нас куда важнее. Это верность и мужество.

Поймав меня таким образом на кусок сахара, он отпустил меня. И все мои планы на будущее рассыпались в прах. Ну, вот сейчас отвалит последняя береговая шлюпка! Спрашивают, нет ли писем на берег. Вы или никогда уже больше не услышите обо мне, мой дорогой Толбот, или получите письмо, стоящее того, чтобы его прочитать. Если от меня не будет вестей, можете зафрахтовать плавучий надгробный памятник и прикрепить его на якорь где-нибудь южнее Канарских островов, написав на нём: „Здесь или где-либо поблизости покоится всё, что оставили рыбы от моего друга Сайреса Дж. Хедли“».

Второй документ – неразборчивая радиограмма, которую уловили разные суда, в том числе и почтовый пароход «Аройя». Она была принята в три часа дня 3 октября 1926 года, и это доказывает, что она была отправлена всего через два дня после отплытия «Стратфорда» с Больших Канарских островов, что подтверждается и письмом Хедли. Это приблизительно совпадает с тем временем, когда норвежское судно видело гибнущую в циклоне яхту в двухстах милях от порта Санта-Крус.

Радиограмма гласила:

«Лежим на боку. Положение безнадежное. Только что потеряли Маракота, Хедли, Скэнлэна.

Местоположение непонятно. Носовой платок Хедли на конце глубоководного лота. Господь да поможет нам...»

Яхта „Стратфорд“.

Это было то последнее непонятное сообщение, которое дошло со злополучного судна, и конец радиограммы такой странной, что его сочли бредом радиотелеграфиста. Однако сама радиограмма, казалось, не оставляла сомнения относительно судьбы судна.

Объяснение этого случая, если это можно принять в качестве объяснения, следует искать в записках, найденных в стеклянном шаре, и прежде всего я нахожу нужным расширить появившийся в печати очень краткий отчёт о находке этого шара. Я беру его дословно из вахтенного журнала «Арабеллы Ноулз», направлявшейся под командой Амоса Грина с грузом угля из Кардифа в Буэнос-Айрес.

«Среда, 5 января 1927 года. Широта $27^{\circ} 14'$, западная долгота 28° . Спокойная погода. Голубое небо с низкими перистыми облаками. Море как стекло. Во вторую склянку средней вахты первый помощник доложил, что заметил сверкающий предмет, который выпрыгнул из моря и затем упал обратно. Его первое впечатление было, что это какая-то неизвестная ему рыба, но, посмотрев в подзорную трубу, он увидел, что это серебряный шар, такой лёгкий, что он не плыл, а скорее лежал на поверхности воды. Меня вызвали, и я увидел шар величиной с футбольный мяч, ярко сверкавший почти в полумиле от нашего судна. Я застопорил машины и послал бот со вторым помощником, который подобрал шар и доставил его на борт.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что шар этот сделан из какого-то очень гибкого стекла и наполнен столь лёгким газом, что, когда его подбрасывали в воздух, он плавал, как детский воздушный шарик. Он был почти прозрачен, и мы разглядели внутри его что-то вроде свёртка бумаг. Сделан он был из такого упругого материала, что нам далеко не сразу удалось разбить его и добраться до бумаги. Молоток его не брал, и он разбился, только когда главный механик положил его в машину. К сожалению, он разлетелся в искрящуюся пыль, так что нам не удалось найти ни кусочка, чтобы установить, из чего же он был сделан. Однако бумага осталась цела, и, прочитав её, мы заключили, что она имеет большое значение, и решили вручить её британскому консулу, как только достигнем Ла-Платы. Вот уже тридцать пять лет я плаваю на судах, но с такой загадочной историей я столкнулся впервые; то же говорят все, кто находится сейчас на борту. Предоставляю разбираться в этом людям поумней меня».

Вот всё, что мы знаем о том, откуда взялись записки Сайреса Дж. Хедли, которые мы сейчас приведём без малейших искажений.

«Кому я пишу? Смело могу сказать: всему миру, – но так как это адрес весьма неточный, то укажу определённое: моему другу сэру Джеймсу Толботу из Оксфордского университета, хотя бы потому, что последнее моё письмо было адресовано ему, а это можно рассматривать как продолжение. Я готов к тому, что, если даже шар увидит свет солнца и не будет проглочен акулой, есть лишь один шанс из тысячи, что среди бесконечных водных пространств он попадёт на глаза человеку. Но всё же попробовать стоит, да и Маракот тоже посылает шар, так что вполне возможно, что рассказ о наших удивительных приключениях станет известен миру. Поверят ли нам – это, я полагаю, уже другой вопрос, но когда люди увидят прозрачный шар, наполненный неведомым им газом, надеюсь, они поймут, что внутри находится нечто не совсем обыкновенное. Во всяком случае, вы, Толбот, не бросите мои заметки, не прочтя их.

Если кто-нибудь захочет узнать, как всё это началось и что мы собирались сделать, он сможет найти эти сведения в письме, которое я вам писал 1 октября прошлого года, в день отплытия из Санта-Круса. Знай я наперёд, что нам придётся пережить, я бы прыгнул в последнюю отходящую лодку! А впрочем, наверно, даже зная, что нас ожидает, я всё же принял бы

предложение доктора Маракота и прошёл бы через всё до конца. Да, я даже уверен в этом: я всё равно не отказался бы.

Итак, я начинаю рассказ с того дня, как мы отплыли из Санта-Круса. Едва мы вышли из гавани, старик Маракот преобразился. Наконец-то наступило время действовать, и вся его энергия, так долго лежавшая под спудом, вырвалась наружу. Уверю вас, он сразу забрал всю власть на яхте, подчинив себе и заставив склониться перед своей волей всё и всех. Сухой, рассеянный ворчун-учёный внезапно исчез, уступив место воплощению мощной динамо-машины, пышущей энергией и потрескивающей от напора громадной скрытой силы. Его глаза сверкали из-за стёкол очков, как прожекторы. Он, казалось, находился сразу везде и всюду, отмечая наше направление на карте, препираясь с капитаном, командуя Биллом Сканлэном, давая мне множество разных поручений, и при этом во всех его действиях была система, все они вели к одной цели. Он неожиданно обнаружил солидные познания в электричестве и механике и большую часть времени проводил у машины, которую Сканлэн методично собирал под его непосредственным наблюдением.

– Ну, мистер Хедли, дело идёт на лад, – сказал Билл на второе утро. – Пойдёмте ко мне, взглянете на эту диковинную штуку. Доктор, оказывается, великолепный парень и механик первый сорт.

Ощущение у меня было не из приятных: мне казалось, что я осматриваю собственный гроб, но всё же, должен признаться, выглядел он весьма впечатляюще. Стальной пол был накрепко приклёпан к четырём стальным стенкам, и в каждой было по круглому окну-иллюминатору. В крыше находился небольшой входной трап, второй трап был в полу. Вся кабинка висела на тонком, но невероятно крепком стальном канате, который навёртывался на барабан и разматывался или наматывался сильным двигателем, который обычно приводил в действие глубоководные тралы „Стратфорда“. Насколько я понял, канат был длиной около полумили, и конец его был закреплён на железных тумбах на палубе. Резиновые трубки для подачи воздуха были такой же длины; с ними вместе тянулся телефонный провод и изолированный кабель, подающий электроэнергию от судовых динамо к нашим прожекторам; кроме них, в стальной каюте стояли на всякий случай запасные аккумуляторы.

К вечеру остановили машины. Барометр показывал низкое давление, и густые чёрные тучи, застилавшие горизонт, предупреждали о приближении непогоды. Вдали был виден барк под норвежским флагом, и мы рассмотрели, как он зарифлял паруса, готовясь к шторму. Но в ту минуту всё было благополучно, и „Стратфорд“ мягко покачивался на синих волнах океана, кое-где пенившихся белыми гребешками от пассатного ветра.

Билл Сканлэн заглянул ко мне в лабораторию в несколько более взволнованном состоянии, чем следовало при его спокойном темпераменте.

– Послушайте, мистер Хедли, – сказал он, – они спустили эту ловушку на самое дно трюма. Как по-вашему, неужто хозяин хочет в ней спускаться?

– Именно, Билл! И я с ним вместе.

– Так-так, значит, теперь двое свихнулись. Но я буду себя чувствовать последним негодяем, коли пушу вас одних.

– Да вам-то что там делать, Билл?

– Не меньше, чем вам, сэр! Да я весь пожелтею от зависти, если вы спуститесь без меня. Мерибэнкс послал меня сюда наблюдать за машиной, и если она спускается на дно моря, значит и моё место на дне моря. Где эта стальная мышеловка, там и Билл Сканлэн, и мне совершенно безразлично, сошли все с ума или нет.

Спорить с ним было бесполезно. Итак, к нашему клубу самоубийц примкнул ещё один, и мы стали ждать дальнейших распоряжений.

Вся ночь прошла в интенсивной работе, и утром мы спустились в трюм, готовые к погружению. Стальная кабинка была уже наполовину вставлена в вырез дна „Стратфорда“, и мы

один за другим спустились в неё через верхний трап, который закрыли за нами и завинтили наглухо, после того как капитан Хови с самой похоронной миной пожал нам руки на прощание. Потом кабинку спустили ещё на несколько метров, закрыли герметическую камеру и впустили воду, чтобы испытать нашу каюту в воде. Кабинка выдержала испытание прекрасно, каждая часть оказалась точно пригнанной, и никакой течи не наблюдалось.

Кабинка действительно была очень удобная, и я восхищался продуманностью её устройства. Электрическое освещение было пока выключено, субтропическое солнце, преломляясь в бутылочно-зелёной воде, бросало в иллюминаторы фантастический мягкий свет. Там и сям мелькали серебряные рыбки, как чёрточки на зелёном фоне. По стенам кабинки шли диваны, над ними помещался циферблат глубиномера, термометр и другие приборы. Под диванами стояли баллоны со сжатым воздухом на случай, если испортятся проводящие воздух трубки. Концы этих трубок уходили к потолку, а рядом с ними висел телефонный аппарат. Мы услышали траурный голос капитана.

– Вы определённо решили погружаться? – спросил он.

– У нас всё в порядке, – нетерпеливо ответил профессор. – Опускайте медленно, и пусть кто-нибудь всё время дежурит у приёмника. Я буду сообщать о нашем положении. Когда мы достигнем дна, оставайтесь на месте, пока не получите распоряжений. Я не хочу давать слишком большую нагрузку канату, так что спускайте медленно, со скоростью двух-трёх узлов в час. А теперь – вниз!

Последние слова он выкрикнул как безумный. Это был величайший момент его жизни, плод взлелеянной им мечты. На одно мгновение меня пронзила мысль, что мы находимся во власти ловкого и хитрого маньяка. Билл Скэнлэн, видимо, подумал то же; он посмотрел на меня с горестной усмешкой и дотронулся до своего лба. Но после этой единственной дикой вспышки Маракот тотчас же взял себя в руки. В самом деле, достаточно было взглянуть на порядок и предусмотрительность, которые проявлялись в каждой детали вокруг нас, чтобы отбросить опасения за его рассудок.

Теперь всё наше внимание было поглощено удивительными новыми ощущениями. Кабинка медленно опускалась в океанские глубины. Светло-зелёная вода превратилась в тёмно-оливковую. Потом цвет её сгустился, стал удивительно синим, и этот густо-синий постепенно перешёл в тёмно-пурпурный. Мы спускались всё ниже, ниже: тридцать метров... шестьдесят... девяносто... Трубки действовали превосходно. Мы дышали свободно и естественно, как на палубе. Стрелка глубиномера медленно двигалась по светящемуся циферблату. Сто двадцать... сто пятьдесят... сто восемьдесят метров...

– Как вы себя чувствуете? – прорычал тревожный голос сверху.

– Как нельзя лучше! – крикнул в ответ Маракот.

Но свет убывал. Теперь наступили тусклые серые сумерки.

– Остановитесь! – распорядился Маракот.

Мы перестали двигаться и повисли на глубине двухсот десяти метров ниже поверхности океана. Я услышал щёлканье выключателя, и нас залил золотой свет, который выходил сквозь боковые иллюминаторы и посылал длинные мерцающие лучи в окружающие нас водные пустыни. Прильнув лицом к толстому стеклу, каждый у своего иллюминатора, мы увидели зрелище, невиданное ещё ни одним человеком.

До сего времени глубинная жизнь океана была известна только благодаря отдельным рыбам, которые были слишком медлительны, чтобы увернуться от неуклюжего трала, или слишком глупы, чтобы не угодить в невод. Теперь же мы видели удивительный подводный мир таким, каков он есть на самом деле. Океан оказался гораздо населённее земли. Огромные морские пространства, расстилавшиеся перед нами, не уступали Бродвею в субботу вечером, Ломбард-стрит перед праздничным днём. Мы уже прошли те верхние слои, где рыбы либо бесцветны, либо обладают настоящей морской окраской: ультрамариновой сверху и серебряной

снизу. Здесь были создания всевозможной окраски и формы, все, какие может породить море. Нежные лептоцефалии проносились сквозь туннель света, как ленточки из серебра. Медленно изгибалась змееобразная мурена – вьюн морских глубин; чёрный морской ёж, в котором только и есть что колючки да рот, глупо глазел на нас. Порой подплывала каракатица и смотрела на нас человечески-зловещими глазами, мелькала какая-нибудь цистома или глаукус, оживляя всю сцену, подобно цветку. Огромная лошадиная макрель свирепо налетала на иллюминатор, пока не появилась тёмная тень акулы, – и макрель исчезла в её раскрывшейся пасти.

Доктор Маракот сидел с записной книжкой на коленях, заносил в неё свои наблюдения и безостановочно бормотал.

– Что это? Что это? – слышал я. – Да, да, химера мирабилис Майкла Сарса. Подумать только, а вон там лепидион, но, насколько я могу судить, новый вид. Заметьте этого макруруса, мистер Хедли: его окраска отличается от тех, которые попадают на нас в сеть.

Один лишь раз он был застигнут врасплох – когда длинный овальный предмет промелькнул с большой быстротой сверху мимо его окна и оставил позади себя вибрирующий след, тянувшийся как нитка. Признаюсь, я был озадачен не меньше доктора. Загадку разрешил Билл Сканлэн.

– Сдаётся мне, этот простак Джон Свинни опустил свой лот рядом с нами. Решил, видно, напомнить нам, что мы не одни.

– Верно, верно! – сказал, улыбаясь, Маракот. – Новый род глубоководной фауны, мистер Хедли, – с проволочным хвостом и свинцом на носу... Но конечно, им необходимо производить промеры, чтобы держаться над нашей подводной мелью. Всё идёт хорошо, капитан! – крикнул он. – Продолжайте спуск!

И мы опять пошли вниз. Маракот выключил электрический свет, и всё снова погрузилось в полную темноту, светился лишь фосфоресцирующий циферблат глубиномера, который отмечал наше погружение. Мы чувствовали движение только по лёгкому покачиванию. И лишь движущаяся по циферблату стрелка с несомненностью показывала нам, в каком ужасающем, в каком непостижимом положении мы находимся. Теперь мы были на глубине трёхсот метров, и воздух в кабинке становился спёртым. Сканлэн открыл кран вытяжной трубки, и дышать стало легче. Когда стрелка показала четыреста пятьдесят метров, мы остановились и вновь осветили океанскую глубь. Какая-то большая тёмная масса прошла мимо нас, но мы не могли определить, была ли это меч-рыба, или глубоководная акула, или же какое-нибудь чудовище неизвестной породы. Доктор поспешно выключил свет.

– В этом наша главная опасность! – сказал Маракот. – В глубине водятся такие существа, которым так же легко уничтожить эту бронированную комнату, как носорогу – пчелиный улей.

– Может быть, это киты? – спросил Сканлэн.

– Киты могут забираться и на большую глубину, – ответил учёный. – Об одном гренландском ките известно, что он утянул около мили каната перпендикулярно вниз. Но кит уходит так глубоко, только когда он ранен или сильно напуган. Это могла быть гигантская каракатица, они встречаются на любой глубине.

– Ну, каракатица небось слишком мягка. Ей нас не долбить. Но вот смеяться-то она будет, если всё же ухитрится сделать дыру в никелированной стали „Мерибэнкса“.

– Тела их, может быть, и мягки, – ответил профессор, – но клюв большой каракатицы способен долбить насквозь железный брусок. Один удар этого клюва может просверлить иллюминаторные стёкла толщиной в три сантиметра с такой лёгкостью, словно они сделаны из пергамента.

– Весёленькое дельце! – воскликнул Билл.

Наконец мы почувствовали, что остановились. Толчок был таким лёгким, что мы узнали об остановке, лишь включив свет и увидав вокруг кабинки покойно свернувшиеся кольца каната. Они представляли опасность для наших воздушных трубок, так как могли их запутать,

и после приказа Маракота канат подтянули вверх. Циферблат отметил пятьсот сорок метров. Мы неподвижно лежали на вулканическом хребте на дне Атлантики.

II

В то время мы, вероятно, все чувствовали одно и то же. Не хотелось ни двигаться, ни наблюдать. Нам хотелось просто спокойно посидеть и постараться осмыслить происходящее – ведь мы находились в самом центре одного из величайших океанов мира. Но скоро странные видения вокруг кабинки привлекли нас снова к иллюминаторам.

Кабинка опустилась на густые заросли водорослей („*Cutleria multifida*“, – определил их Маракот), жёлтые плети которых покачивались вокруг нас под давлением глубоководного течения, совсем как ветви деревьев под ветром. Они были не настолько длинны, чтобы закрыть окружающий вид, но огромные листья их цвета тёмного золота, колыхаясь, проплывали перед иллюминаторами. Под водорослями можно было различить тёмную вязкую массу грунта, так густо усеянную маленькими разноцветными существами – голотуриями, осундиями, ежами и ехинодермами, как весной в Англии берега рек усеяны первоцветом и гиацинтами. Эти живые цветы морских глубин, то ярко-красные, то тёмно-пурпурные, то нежно-розовые, сплошь устилали угольно-чёрное дно. Там и сям из выступов подводных скал вырастали гигантские губки, изредка проносились рыбы – обитатели более верхних слоёв воды, мелькая, как разноцветные искры, в лучах наших прожекторов.

Как зачарованные смотрели мы на это феерическое зрелище, когда по телефону донёсся встревоженный голос:

– Ну как вы себя чувствуете на дне? Всё ли благополучно? Не оставайтесь слишком долго: барометр падает и мне это не нравится. Достаточно вам воздуха? Нужно ли вам что-нибудь?

– Всё в порядке, капитан! – весело откликнулся Маракот. – Мы не задержимся. Снабжаете вы нас всем чудесно. Комфортабельно, как в каюте. Распорядитесь потихоньку двигать нас вперёд.

Мы вступили в область светящихся рыб и, потушив свет, в абсолютной темноте, где даже светочувствительная пластинка могла бы висеть часами и не запечатлеть ни единого ультрафиолетового лучика, с величайшим интересом наблюдали жизнь фосфоресцирующих обитателей океана. Как будто на фоне чёрного бархата, медленно проплыли блестящие искорки: казалось, это идёт ночью большой пассажирский пароход, выбрасывающий потоки света через иллюминаторы. У некоторых чудищ были светящиеся зубы, пылавшие в полном мраке, у других – длинные золотистые усы, у третьих язычок пламени качался над головой. Повсюду, насколько хватало глаз, мерцали блестящие точки, и каждое животное спешило по своим делам, освещая себе путь, – ну точь-в-точь таксомоторы на Стрэнде в час театрального разъезда.

Потом мы снова зажгли свет, и доктор стал обозревать морское дно.

– Мы опустились на огромную глубину, и всё же недостаточно глубоко, чтобы увидеть характерные породы низших слоёв океана, – сказал он. – Но ничего не поделаешь. Может быть, в другой раз, с более длинным канатом...

– Типун вам на язык! – взвыл Билл. – Бросьте и думать об этом!

Маракот улыбнулся:

– Ну, вы скоро привыкнете к этим глубинам, Сканлэн. Ведь этот спуск не последний...

– Чёрт знает что! – возмутился Билл.

– Да, привыкнете, и это вам покажется не опаснее, чем спускаться в трюм „Стратфорда“.

Вы увидите, мистер Хедли, что дно здесь, насколько мы можем рассмотреть его сквозь плотный слой животных и губок, состоит из пемзы и чёрного базальта, а это указывает на вулканическое происхождение этого хребта. Пожалуй, это вполне подтверждает моё первоначальное предположение, и мы действительно находимся над вершиной древнего вулкана, а Маракотова

бездна, – он произнёс эти слова с явным удовольствием, – не что иное, как его внешний склон. Мне пришло в голову – и это будет весьма любопытно – медленно двигать нашу кабинку до края бездны и посмотреть, какая там геологическая формация. Я надеюсь увидеть обрыв невероятной глубины, уходящий перпендикулярно вниз к самому дну океана.

Этот опыт казался мне опасным: кто знает, насколько крепок наш канат, выдержит ли он, если мы попадём в сильное подводное течение. Но когда дело шло о научных исследованиях, Маракот не думал об опасности. Я затаил дыхание, когда лёгкое содрогание стальной кабинки, раздвигавшей длинные плети колыхавшихся водорослей, показало, что канат натянут крепко и тащит нас за собой. Канат блестяще выдержал нашу тяжесть, и с постепенно возрастающей скоростью мы стали скользить по дну океана. Маракот, с компасом в руке, отдавал по телефону распоряжения переменить направление или подтянуть кабинку повыше, чтобы перескочить через препятствия.

– Базальтовый хребет вряд ли больше двух километров в ширину, – объяснил он. – По моим соображениям, пропасть расположена западнее того места, где мы опустились. А если так, то мы очень скоро доползём до неё.

Мы беспрепятственно скользили над вулканическим плато, поросшим золотыми водорослями и сверкавшим тысячами фантастических красок.

Вдруг доктор схватил трубку телефона.

– Стоп! – закричал он. – Мы на месте!

Внезапно нам открылась чудовищная пропасть. Жуткое место, такое увидишь разве что в ночном кошмаре! Блестящие чёрные грани базальта круто обрывались вниз, в неизвестное. По краю пропасти росли мохнатые водоросли, как растёт папоротник на краю обрыва где-нибудь на поверхности земли; за этим колышущимся, точно живым, бордюром шла гладкая блестящая стена бездны. Мы не знали, сколь широка эта пропасть, ибо даже наши сильные прожекторы не могли одолеть мрака. Мы зажгли мощный сигнальный фонарь Люка и направили вниз сильный сноп параллельных лучей. Они падали в бездну всё ниже и ниже, не встречая препятствий, пока не затерялись в непроглядном мраке.

– Поистине поразительно! – воскликнул Маракот, и на его худом лице появилось радостное выражение. – Нечего и думать, что такую глубину можно найти ещё где-нибудь. Существует пропасть Челленджера в восемь тысяч метров у Ландронских островов, есть открытая „Планетой“ пропасть в десять тысяч метров близ Филиппин и ряд других, но, по всей вероятности, Маракотова бездна совершенно исключительна по крутизне спуска и представляет тем больший интерес, что она укрылась от наблюдений всех гидрографических экспедиций – а их было немало, – составлявших карту Атлантики. Едва ли можно сомневаться, что...

Он замер на полуслове, и на лице его застыло выражение любопытства и удивления. Мы с Биллом бросились к иллюминатору и окаменели при виде поразительного зрелища. Какое-то крупное животное поднималось к нам из глубины по световому туннелю. Оно было ещё далеко и освещено слабо, и мы едва могли различить огромное чёрное тело, медленными хищными движениями поднимавшееся всё выше и выше. Оно загребало каким-то непонятным образом и вот уже, тускло отсвечивая, появилось у края пропасти, и теперь, при ярком свете, мы смогли его рассмотреть. Это было существо, неизвестное науке, но в нём был ряд особенностей, известных каждому из нас. Это чудовище, слишком длинное для гигантского краба и слишком короткое для гигантского рака, больше всего походило на морского рака: две огромные клешни торчали у него по бокам, а пара тяжёлых громадных усов вибрировала над чёрными, круглыми злыми глазами навывкате. Панцирь светло-жёлтого цвета в окружности метра три, а в длину, не считая усов, чудовище было не меньше десяти метров!

– Поразительно! – воскликнул Маракот, лихорадочно черкая в записной книжке. – Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы – род Crustaceae, вид неизвестен. Crustaceus Maracoti. Почему бы и не так, а?

– Чёрт с ним, с его именем! Ей-ей, оно лезет прямёхонько на нас! – закричал Билл. – Слушайте, док, а не лучше ли нам выключить свет?

– Одну минутку! Только набросаю его очертания! – воскликнул натуралист. – Да-да, теперь тушите.

Он щёлкнул выключателем, и мы снова очутились в непроглядной тьме, прорезаемой фосфоресцирующими точками, пролетавшими, как метеоры в безлунную ночь.

– В жизни не видал более мерзкой скотины, – проворчал Билл, вытирая пот со лба. – Чувствуешь себя как наутро после попойки.

– Он и в самом деле страшен на вид, – заметил Маракот, – но, вероятно, ещё страшнее иметь с ним дело и испытать силу его клешней. Однако в стальной кабинке мы в полной безопасности и можем наблюдать его в своё удовольствие...

Только он произнёс эти слова, как по внешней стенке точно киркой ударили. Потом царапанье, скрежет и новый удар...

– Слушайте, ему хочется к нам! – в ужасе закричал Билл. – Нет, право, надо было написать на дверях: „Посторонним вход запрещается“.

Он старался шутить, но дрожащий голос выдавал его волнение. Сознаюсь, что и у меня поджилки затряслись, когда я убедился, что чудовище ощупывает нашу кабинку, размышляя, что это за странная банка и найдётся ли в ней съестное, если умеючи её вскрыть.

– Он не может нам повредить, – сказал Маракот, но в голосе его не чувствовалось уверенности. – Пожалуй, лучше его стряхнуть.

И он крикнул в телефонную трубку капитану:

– Поднимите нас на десять-пятнадцать метров!

Через несколько минут мы поднялись над равниной из лавы и закачались в спокойной воде. Но дьявольский рак не отставал. Вскоре мы услышали царапанье и постукивание клешней, которыми он продолжал ощупывать кабинку. Было жутко сидеть в темноте и чувствовать смерть в двух шагах от себя. Выдержит ли стекло, если по нему стукнет огромная клешня? Этот безмолвный вопрос волновал каждого из нас.

Но вскоре выявилась новая страшная опасность. Постукивание перешло на крышу, и мы почувствовали лёгкое покачивание.

– Доктор! – крикнул я отчаянно. – Он задел за канат! Он оборвёт его!

– Слушайте, док, дуем наверх! Довольно мы насмотрелись всего, Билл Скэнлэн хочет домой к маме! Позвоните мальчику, пусть поднимает лифт...

– Но мы и половины не исследовали! – закаркал Маракот. – Мы только ещё начали обследовать края пропасти. Измерим хотя бы её ширину. Когда мы доберёмся до противоположного края, я согласен вернуться на поверхность.

И он крикнул в трубку:

– Всё в порядке, капитан! Двигайтесь со скоростью двух узлов, пока я не скажу „стоп“.

Мы медленно двинулись над краем бездны. Раз темнота не спасла нас от нападения, мы включили свет. Одно окно было совершенно закрыто брюхом чудовища. Голова и огромные клешни работали на крыше, и удары по кабинке звучали как погребальный колокол. Чудовище обладало невероятной силой. Никогда ещё смертному не приходилось быть в таком положении: километры воды внизу – и злобное чудовище сверху! Качка усилилась. И вот мы почувствовали, что чудовище дёргает канат! Трубка принесла испуганный крик капитана, а Маракот вскочил, в отчаянии всплеснув руками. Даже внутри кабинки мы слышали скрежет перетираемого каната, звон и свист рвущейся проволоки – и через мгновение мы уже падали в бездонную пропасть.

У меня до сих пор в ушах звенит дикий крик Маракота.

– Канат оборван! Мы пропали! Всё погребло! – вопил он. Потом, схватив телефонную трубку, отчаянно крикнул: – Прощайте, капитан, прощайте все!

Это были наши последние слова, обращённые к людям на земле.

Падение наше не было стремительным, как вы, наверно, ожидаете. Несмотря на солидный вес, пустая внутри кабинка создавала некоторое неустойчивое равновесие, и мы опускались в пропасть медленно и постепенно. Я слышал протяжный скрип, когда мы выскальзывали из страшных объятий чудовища, послужившего причиной нашей гибели; и затем, медленно вращаясь, широкими кругами, мы стали спускаться в бездонную пропасть. Прошло, наверно, не больше пяти минут, но нам они показались часом, когда телефонный провод натянулся и лопнул с тихим стоном, как струна. В ту же минуту лопнула и проводящая воздух трубка, и сквозь отверстие стала по каплям просачиваться солёная вода. Опытные, проворные руки Билла Сканлэна мигом перетянули конец резиновой трубки узлами, и вода перестала течь; а доктор отвинтил пробку, и из баллона с лёгким свистом стал выходить сжатый воздух. Затем лопнул электрический провод, и мгновенно потух свет, но доктор в темноте добрался до аккумуляторов, и на потолке вспыхнули лампочки.

– Света нам хватит на неделю, – проговорил он с кривой усмешкой. – Во всяком случае, мы умрём при свете...

Потом он с досадой покачал головой, и его аскетическое лицо озарилось доброй улыбкой.

– Мне, собственно, всё равно. Я старик, довольно пожил, и моя роль в мире сыграна. Единственное, о чём я сожалею, – зачем я вовлёк двух молодых людей в это опасное предприятие. Я должен был рисковать один.

Я просто и горячо пожал ему руку, не в силах произнести ни слова. Билл Сканлэн тоже молчал. Мы медленно опускались, измеряя скорость падения по теням рыб, поднимавшихся вверх мимо окон. Казалось, что это рыбы поднимаются вверх, а не мы опускаемся вниз. Кабинка сохраняла равновесие, хотя мне казалось, что мы каждую минуту можем перевернуться набок или перевернуться вверх дном. К счастью, наш вес был хорошо сбалансирован, и мы шли ко дну в стоячем положении. Случайно взглянув на глубиномер, я увидел, что мы опустились уже на глубину тысячи шестисот метров.

– Видите, всё выходит так, как я предсказывал, – заметил Маракот с мрачным удовлетворением. – Не мешало бы вам ознакомиться с моим докладом Океанографическому обществу о соотношении давления и глубины. Как бы мне хотелось написать хоть несколько строк туда, наверх, чтобы пристыдить Бюлова из Гессена, который осмелился мне возражать.

– Чёрт подери! Будь у меня такая возможность, я бы не стал тратить её на споры с этим тупоумным ослом! – воскликнул механик. – В Филадельфии живёт одна крошка; когда она узнает, что больше уже не увидит Билла Сканлэна, её прелестные глазки наполнятся слезами. Да, что и говорить, хорошенький мы выбрали путь к нашим предкам.

– Вам не следовало опускаться с нами, – сказал я, пожав ему руку.

– Я счёл бы себя последней дрянью, если б остался наверху, – ответил он. – Нет, это моя прямая обязанность, и я рад, что исполнил её.

Мы помолчали.

– Долго ли ещё? – спросил я доктора.

Он пожал плечами.

– У нас ещё будет время осмотреть дно бездны, – ответил он тихо. – Воздуха в баллоне хватит больше чем на полдня. Опасность в другом – в продуктах выдыхания. Они задушат нас. Если бы мы смогли выпускать углекислоту!

– Это, по-видимому, невозможно.

– У нас есть баллон кислорода. Я захватил его на всякий случай. Вдыхая его время от времени, мы как-нибудь продержимся ещё... Взгляните на глубиномер: мы опустились уже больше чем на три километра.

– Да стоит ли бороться за жизнь? Чем скорее наступит конец, тем лучше, – заметил я.

– Это верно! – подтвердил Сканлэн. – Раз, два – и не копайся!

– И отказаться от поразительного зрелища, которого ещё не видел ни один человек на свете? – возразил Маракот. – Это предательство по отношению к науке! Будем записывать свои наблюдения, даже если им суждено погибнуть вместе с нами. Надо довести игру до конца.

– Да вы молодчага, док! – воскликнул Скэнлэн. – Вы нам сто очков вперёд дадите. Ладно, будем играть до последнего грошика!

Мы терпеливо уселись втроём на диван, крепко вцепившись в его ручки; кабинка, колыхаясь и поворачиваясь, опускалась, и рыбы мелькали вверх мимо иллюминаторов...

– Уже пять километров, – заметил Маракот. – Я выпущу немного кислорода, мистер Хедли. Становится очень душно. Забавно, – сухо усмехнулся он, – теперь-то эта бездна уж во всяком случае будет называться бездной Маракота. Когда капитан Хови привезёт эти новости, мои коллеги позаботятся, чтобы эта бездна стала не только моей могилой, но и памятником мне. Даже Бюлов из Гессена...

И он стал бормотать о каких-то своих учёных обидах.

Потом мы снова сидели в тишине и следили, как стрелка подползает к семи километрам. Один раз мы задели за что-то тяжёлое и ударились с такой силой, что чуть не перевернулись набок. Может быть, это была крупная рыба, а может, выступ скалистой стены, вдоль которой мы низвергались вниз. Прежде нам казалось, что хребет находится на страшной глубине, теперь же, когда мы смотрели на него из этой ужасной пропасти, он, на наш взгляд, был чуть ли не на поверхности океана.

Мы всё плыли, вращаясь и описывая круги, сквозь тёмно-зелёные водные пустыни. Циферблат глубиномера показывал семь тысяч шестьсот метров.

– Мы приближаемся к концу путешествия, – сказал Маракот. – Глубиномер Скотта в прошлом году показал восемь тысяч сто сорок пять метров в самом глубоком месте. Может быть, кабинка разлетится от удара. Может быть...

В эту минуту мы „причалили“.

Ни одна любящая мать не опускала с такой нежностью своего первенца на пуховую перинку, как мы опустились на дно Атлантического океана. Толстый эластичный слой мягкого ила, на который мы сели, сыграл роль идеального буфера и спас нас от гибели. Мы боялись шевельнуться на диване, и не напрасно, ибо кабина опустилась краем на выступ скалы, покрытый вязким, желатинистым илом, и на нём мы покачивались, с трудом сохраняя равновесие и ежеминутно рискуя перевернуться. Но через некоторое время кабина утвердилась и застыла неподвижно.

В это мгновение доктор Маракот, пристально смотревший в окно, удивлённо вскрикнул и выключил свет.

Каково же было наше удивление, когда оказалось, что и без электричества мы всё видим. Тусклый рассеянный свет вливался через иллюминаторы в кабинку, как холодное сияние морозного утра. Мы поспешили к окнам и, не прибегая к свету прожекторов, могли рассмотреть окружающее метров на триста во всех направлениях. Это было непостижимо, невероятно, и, однако, спорить с очевидностью не приходилось. Дно океана было освещено!

– А почему бы и нет? – воскликнул Маракот после минутного молчания. – Разве я не предвидел этой возможности? Из чего состоит этот ил? Разве это не продукт разложения миллиардов микроскопических органических существ? И разве разложение не сопровождается фосфорическим свечением? Да где же и наблюдать такое свечение, как не здесь? Ах, какая досада – видеть такие изумительные вещи и не иметь возможности сообщить об этом миру!

– Но позвольте, – возразил я, – мы вытаскивали по полтонны ила и никогда не замечали подобного свечения!

– Ну да, очевидно, пока ил поднимали на поверхность, он терял способность фосфоресцировать. Да и что такое полтонны в сравнении с этими безграничными равнинами ила? И

смотрите, смотрите, – вдруг возбуждённо вскричал он, – глубоководные существа пасутся на этом органическом ковре, как земные стада на лугу!

Стая крупных чёрных рыб, толстых и неповоротливых, проплыла над самым дном, то и дело поклёвывая что-то. Потом появилось ещё какое-то красное неуклюжее существо, вроде морской коровы; оно меланхолично жевало жвачку перед моим окном. Другие такие же животные паслись тут и там; иногда они поднимали голову и посматривали на странный предмет, так неожиданно появившийся среди них. Я не мог не восхищаться Маракотом, который в этой мрачной обстановке, когда слышалось уже дыхание смерти, повиновался зову науки и лихорадочно записывал свои наблюдения. Не так педантично и углублённо, как он, я, однако, тоже наблюдал, и эта картина навсегда запечатлелась в моей памяти. Дно океана состоит из красной глины, но здесь поверх неё лежал слой серой глубоководной слизи, образовавший волнистую равнину. Насколько хватало глаз, равнина не была ровной, её пересекали странные круглые холмики, вроде того, на который мы сели, светившиеся всеми цветами радуги. Между холмиками плавали крупные стаи причудливых рыб, большей частью неизвестных науке; они были окрашены во все цвета с преобладанием чёрного и красного. Маракот рассматривал их со сдержанным волнением и делал заметки в записной книжке.

Воздух в кабинке стал очень тяжёлым, и снова мы спаслись, вдохнув кислорода. Как ни странно, мы все чувствовали свирепый, прямо волчий голод и с жадностью набросились на консервированное мясо, хлеб с маслом и виски с водой, предусмотрительно захваченные Маракотом. Немного подкрепившись и освежившись, я поудобнее уселся у иллюминатора, и мне страстно захотелось в последний раз закурить, как вдруг я увидел нечто поднявшее у меня в голове настоящий вихрь мыслей.

Я уже упомянул, что волнистая серая долина была вся испещрена маленькими холмиками. Один, более крупный, высился перед моим окном метрах в десяти. На нём был какой-то странный знак. Присмотревшись к другим холмикам, я с изумлением заметил, что знак этот опоясывает всю видимую мне часть холма. На пороге смерти не так-то легко поддаться постороннему впечатлению, но у меня замерло дыхание и сердце на миг остановилось, когда я догадался, что эти знаки не что иное, как фриз, и что фигуры эти, потерявшие от времени чёткость очертаний, были когда-то, несомненно, высечены рукою человека! Маракот и Сканлэн подбежали к иллюминатору и с изумлением смотрели на эти следы вездесущей деятельности человека.

– Ей-ей, это резьба! – воскликнул Сканлэн. – Верьте слову, эта площадка была когда-то крышей здания! Да и все эти холмики тоже были домами. Слушайте, хозяин, да ведь мы без пересадки приехали в настоящий город!

– Да, это древний город, – ответил Маракот. – Геологи утверждают, что некогда моря были материками, а на месте материков были моря, но я всегда отрицал теорию, что в столь недавние сравнительно времена, как четвертичный период, в Атлантике могли быть какие-нибудь серьёзные катастрофы. Оказывается, рассказ Платона о египетской легенде⁶ имеет под собой почву. А эти формации подтверждают теорию, что дно океана осело в результате весьма недавней вулканической деятельности.

– Эти холмики довольно правильно расположены, – заметил я. – Я начинаю думать, что это не отдельные дома, а купола и своего рода украшения крыши одного крупного здания.

– Пожалуй, вы правы, – подтвердил Сканлэн. – Вот посмотрите, четыре крупные по краям и мелкие между ними, как по линейке. А интересно бы посмотреть всё это сооружение! Да в него можно запихать весь завод „Мерибэнкса“, и ещё место останется.

⁶ Имеется в виду рассказ греческого философа Платона (в диалогах «Тимей» и «Критий») об Атлантиде, континенте, занимавшем, по преданию, значительную часть Атлантического океана. Платон, как утверждается, записал этот рассказ со слов Солона, греческого мудреца и законодателя, в свою очередь всё это узнавшего со слов одного египетского жреца.

– Непрерывное осаждение морских отложений погребло его до самой кровли, – сказал Маракот. – Но с другой стороны, здание совсем не разрушено. На большой глубине мы наблюдаем постоянную, устойчивую температуру в тридцать два градуса по Фаренгейту⁷, и она препятствует процессу разрушения. Даже разложение глубоководных органических осадков, которые устилают дно океана и иногда освещают его, видимо, происходит очень медленно. Но послушайте, это же вовсе не фриз, а надписи!..

Он, без сомнения, был прав. Одни и те же знаки виднелись в разных местах. Конечно же, это были буквы какого-то древнего алфавита.

– Я изучал финикийские памятники письменности, и там встречаются очень похожие начертания, – продолжал он. – Ну, друзья мои, мы с вами увидели погребённый античный город, и это поразительное открытие унесём с собой в могилу. Больше уже ничего не узнать: наша книга знаний прочитана. Я согласен с вами: чем скорее наступит конец, тем лучше!..

Жить нам теперь оставалось совсем недолго. Воздух был тяжёлый, спёртый. Он так был пропитан углекислотой, что живительная струя сжатого кислорода с трудом выходила из баллона. Встав на диван, можно ещё было глотнуть чистого воздуха, но отравленная зона поднималась всё выше и выше. Доктор Маракот безнадежно сложил руки и опустил голову на грудь. Сканлэн, отравленный углекислотой, вдруг сполз на пол. У меня кружилась голова и грудь точно налилась свинцом. Я закрыл глаза и стал терять сознание. Потом снова открыл их, чтобы в последний раз увидеть то, что покидал навсегда, и тут же с хриплым криком изумления вскочил на ноги.

К иллюминатору прильнуло лицо человека.

Может, это привиделось мне в бреду? Я вцепился в плечо Маракота и затряс его изо всех сил. Доктор очнулся, выпрямился и, широко раскрыв глаза, безмолвно впился глазами в призрак. Раз и он его увидел, значит это не галлюцинация. Лицо было длинное, узкое, смуглое, с острой бородкой клинышком, живые глаза быстро, пылливо осмотрели внутренность кабинки, и по выражению этих глаз я увидел, что наше положение ему понятно. Он был явно поражён. Электричество горело полным светом, и человеку снаружи наша кабинка представлялась камерой смерти, где один человек уже лежал без чувств, а двое других, с искажёнными, страшными лицами умирающих, отравленные углекислотой, смотрели на него через иллюминатор. Мы оба хватались руками за горло: нам нечем было дышать. Человек снаружи махнул нам рукой и исчез.

– Он бросил нас! – воскликнул Маракот.

– Или пошёл за помощью. Поднимем Сканлэна. На полу он умрёт!

Мы втащили механика на диван и уложили его голову на подушки. Лицо у него посерело, он что-то бормотал в забытии, но пульс ещё прощупывался.

– Ещё есть надежда! – прохрипел я.

– Но это сумасшествие! – крикнул Маракот. – Разве человек может жить на дне океана? Как он дышит? Это массовая галлюцинация! Мой молодой друг, мы сходим с ума.

И, взглянув на унылый, пустынный, серый ландшафт за окном, я подумал, что, наверно, Маракот прав. Потом мне почудилось движение за окном. Где-то вдали появились туманные тени. Вскоре они превратились в движущиеся фигуры. По дну океана к нам спешила толпа людей.

Через минуту они собрались перед окном и, размахивая руками и жестикулируя, о чём-то оживлённо спорили. Среди толпы было несколько женщин. Один из мужчин, коренастый, большеголовый, с чёрной бородой, видимо, был предводителем. Он зорко осмотрел нашу стальную скорлупу и, благодаря наклону кабины, заметил, что в полу имеется трап. Послав

⁷ Соответствует 0° по Цельсию.

куда-то одного из своих спутников, предводитель стал энергично жестикулировать, приказывая нам открыть трап изнутри.

– Почему бы и не открыть? – спросил я. – Не всё ли равно, утонуть или задохнуться? У меня уже больше нет сил.

– Мы не должны утонуть, – ответил Маракот. – Вода, входящая снизу, встретит сопротивление воздуха и дальше определённой высоты не дойдёт. Дайте Сканлэну глоток коньяка. Пусть сделает последнее усилие и выпьет.

Я влил коньяк в горло механика. Он судорожно глотнул и удивлённо огляделся. Мы поставили беднягу на диван и, встав по обе стороны, держали его. Он всё ещё не совсем пришёл в себя, но я в двух словах объяснил ему положение.

– Если вода дойдёт до батарей, возможно отравление хлором, – сказал Маракот. – Надо дать кислороду вытекать свободно: чем больше будет давление, тем меньше войдёт воды. Так... Теперь помогите мне поднять трап.

Мы налегли всей тяжестью и медленно отвалили круглую крышку в полу нашего прибежища, но мне казалось, мы совершаем самоубийство. Зеленоватая вода, шипя и сверкая под лучами ламп, потоками ворвалась в кабинку. Она быстро залила пол, дошла нам до колен, до груди и тут остановилась. Но давление воздуха было непереносимо. У меня кружилась голова и в ушах шумело. В такой атмосфере долго не проживёшь. Только ухватившись за верхнюю сетку, мы удержались от падения в воду.

Так, стоя, мы уже не могли смотреть в окна и не знали, какие меры подводные люди принимают для нашего освобождения. Казалось совершенно невероятным, что нам могут прийти на помощь, но у этих людей, и особенно у предводителя, был такой энергичный и обнадеживающий вид, что у нас невольно появились надежды на спасение. Вдруг нам показалось, что он смотрит на нас через круглое отверстие внизу сквозь воду, а через мгновение он пролез через трап, поднялся на диван, встал рядом с нами – низенький, коренастый, плотный, не выше моего плеча. Его большие карие глаза осматривали нас, и в них светилось желание ободрить: казалось, он хотел сказать: «Бедняги, вы думаете, что всё кончено, а я отлично знаю, как отсюда выбраться».

И только теперь я заметил одно очень странное обстоятельство. Человек этот, если только он и в самом деле принадлежал к одному с нами племени, носил прозрачный колпак, который обволакивал весь его торс и голову, оставляя свободными руки и ноги. Колпак был так удивительно прозрачен, что в воде его не было видно, но теперь, на воздухе, он блестел, как серебро, оставаясь в то же время идеально прозрачным. На плечах у человека были странные наплечники с отверстиями и завязками, плотно облегающими грудь. Наплечники имели вид маленьких продолговатых ящичков с многочисленными дырочками и напоминали эполеты.

Когда наш новый друг присоединился к нам, в отверстии в полу появился ещё какой-то человек и протиснул в него нечто вроде большого стеклянного шара. За первым шаром последовал второй, третий, все они быстро поднялись вверх и поплыли по поверхности. Затем таким же путём были переданы шесть маленьких ящичков, и прикрепленными к ним завязками наш новый знакомый привязал нам по два ящичка на плечи – получилось совсем как у него. Внезапно я начал понимать, что в этом не было ничего сверхъестественного, ничего противоречащего законам природы: один из ящичков был, несомненно, оригинальным источником свежего воздуха, другой – поглотителем отработанных продуктов дыхания. Потом незнакомец натянул нам на голову прозрачные колпаки, охватив плечи и грудь эластичными завязками, не позволявшими воде проникнуть внутрь колпака. Дышать под колпаком было совсем легко, и я с радостью увидел, что у Маракота снова бодро заблестели глаза из-под очков, а широкая улыбка Билла Сканлэна убедила меня, что животворный кислород сделал своё дело и Билл окончательно поправился. Наш спаситель удовлетворённо оглядел нас, потом махнул рукой, пригласив

шая следовать за ним через трап в полу на дно океана. Дюжина дружеских рук протянулась, чтобы помочь нам вылезти и направить первые неуверенные шаги по вязкому глубокому илу.

Даже теперь я не могу забыть этого чуда. Маракот, Сканлэн и я, живые и невредимые, стояли на дне океана, на дне подводной пропасти в восемь километров глубиной! Куда девалось ужасающее давление, смущавшее умы стольких исследователей? Оно мешало нам не больше, чем хрупким рыбам, плававшим вокруг нас. Правда, наши головы и тела были надёжно защищены тонкими прозрачными шарами, упругими, но крепкими, как броневая сталь, руки же и ноги, остававшиеся свободными, чувствовали лишь плотную среду воды, которую вскоре перестаёшь замечать, – и ничего больше! Как хорошо было стоять всем вместе в группе бородачатых людей и смотреть на только что покинутую нами тюрьму! Мы забыли выключить аккумуляторы, и кабина наша представляла фантастическое зрелище: из круглых окон вырывались жёлтые снопы электрического света и, привлечённые им, к окнам устремились стада рыб. Но вот предводитель взял Маракота за руку, и мы двинулись за ним сквозь плотную водную среду, тяжело ступая по скользкому илу.

И тут произошла странная история, удивившая наших новых друзей ничуть не меньше, чем нас. У нас над головой появился небольшой тёмный предмет; он быстро спускался к нам из темноты и лёг на дно со свинцовым грузом, спущенный со „Стратфорда“ в пропасть, которая навсегда теперь будет связана с памятью о нашей экспедиции.

Мы поняли, что наверху разгадали сущность происшедшей трагедии, но никому и в голову не могло прийти, что лот опустится почти у самых наших ног. Лот неподвижно лежал на дне, но капитан, вероятно, не знал, что он достиг дна. Рядом со мной тянулся вверх тонкий проволочный канатик длиной восемь километров, соединявший меня с нашим судном. Ах, если бы можно было написать записку и привязать к канатику! Абсурдная мысль... Но почему бы не послать наверх какой-нибудь знак, который покажет капитану, что мы всё ещё живы?

Верхняя часть моего тела, прикрытая прозрачным колпаком, была недостижима, но руки оставались свободными, и в кармане брюк у меня, по счастью, оказался носовой платок. Я быстро выхватил его и привязал к лоту. В тот же миг сработал автоматический механизм, отделил свинцовый груз, и белый лоскут быстро понёсся вверх, в тот мир, который я, наверно, никогда больше не увижу.

Наши новые знакомые внимательно и с большим интересом обследовали тридцатикилограммовый груз свинца, наконец подняли его и понесли с собой.

Мы прошли не более сотни метров, пробираясь среди холмиков, и остановились перед небольшой квадратной дверью с массивными колоннами по бокам и какой-то надписью на дверной перемычке. Дверь была открыта, и мы вошли в большое пустое помещение. Управляемая скрытым, чётко работавшим механизмом, тяжёлая каменная дверь немедленно захлопнулась.

Под своими колпаками мы, разумеется, ничего не могли слышать, но, постояв несколько минут, убедились, что пришёл в действие какой-то огромный насос, потому что уровень воды вокруг нас стал быстро понижаться. Меньше чем через четверть часа мы стояли на слегка сыром полу, выложенном каменными плитами, а наши новые друзья хлопотливо освобождали нас от ненужных теперь прозрачных колпаков. И вот мы уже стоим в тёплой, хорошо освещённой комнате и жадно вдыхаем совершенно чистый воздух, а смуглые обитатели бездны, улыбаясь и болтая, толпятся вокруг нас, пожимают нам руки и дружески похлопывают по плечу. Они говорили на странном языке; мы не понимали ни слова, но улыбки на лицах и ласковые взгляды были понятны даже на глубине восьми километров под уровнем океана. Повесив прозрачные колпаки на многочисленные крючки по стенам комнаты, бородачатые незнакомцы стали ласково подталкивать нас к внутренней двери, за которой открывался длинный покатый каменный коридор. Когда и эта дверь автоматически захлопнулась за нами, ничто больше не напоминало нам о том невероятном обстоятельстве, что мы оказались невольными гостями

неизвестного народа на дне Атлантического океана и навсегда оторваны от того мира, где родились и жили.

Теперь, когда страшное напряжение отпустило нас, мы вдруг почувствовали, как мы измучены. Даже Билл Сканлэн, этот неугомонный геркулес, еле отдирает ноги от пола, а мы с Маракотом рады были, что можно повиснуть на руках проводников. И всё же, несмотря на смертельную усталость, я внимательно глядел по сторонам и всё замечал. Совершенно очевидно, что воздухом здание снабжала какая-то мощная машина, ибо он ритмически вырывался струями из маленьких круглых отверстий в стенах. Свет рассеянный, флюоресцентный, того вида, который занимал умы европейских инженеров с тех пор, как научились обходиться без лампы и без нити накала. Свет исходил из длинных цилиндров прозрачного стекла, подвешенных к карнизам коридоров. Наконец мы вошли в обширную гостиную, всю устланную толстыми коврами и обставленную золочёными креслами и низкими диванчиками, при виде которых мне смутно вспомнились гробницы египетских фараонов. Провожатые наши разошлись, остался лишь глава отряда и два его помощника.

– Манд! – повторил он несколько раз, ударяя себя в грудь.

Потом стал указывать по очереди на нас и повторять наши имена: Маракот, Хедли и Сканлэн, – пока не научился выговаривать их вполне правильно. Потом он усадил нас и сделал знак одному из помощников, который тотчас вышел и скоро вернулся в сопровождении глубокого старика с седыми кудрями и длинной бородой, с забавной конической шапкой чёрного бархата на голове. Я забыл сказать, что все эти люди были одеты в цветные туники, достигавшие колен, и обуты в сандалии не то из рыбьей, не то из шагреновой кожи.

Почтенный незнакомец, очевидно, был врач. Он по очереди осмотрел нас, возлагая каждому руку на голову и закрывая глаза – так он составлял впечатление о физическом состоянии пациента. Очевидно, обследование ни в какой степени его не удовлетворило, потому что он недовольно покачал головой и сказал несколько сердитых слов Манду. Манд сейчас же снова отрядил одного из помощников, тот принёс поднос с кушаньями и кувшин вина и поставил их перед нами. Мы были слишком измучены, чтобы задумываться над тем, что это за еда, но, поевши, почувствовали себя лучше. После этого нас повели в другую комнату, где были приготовлены три постели, и я немедленно свалился на первую попавшуюся. Смутно помню, что подошёл Билл Сканлэн и присел на край моей постели.

– Послушайте, Хедли, – сказал он, – этот глоток коньяка спас мне жизнь. Но где мы, собственно, находимся?

– Я знаю столько же, сколько и вы.

– Что ж... – сказал он сонным голосом и пошёл к своей постели. – Я готов отправиться на боковую. А выпивка у них ничего. Слава богу, Вольдштед⁸ сюда не доберётся.

Больше я не услышал ничего, ибо погрузился в такой глубокий сон, какого не припомню, кажется, за всю жизнь.

III

Придя в себя, я сперва никак не мог понять, где нахожусь. События прошлого дня казались далёким кошмаром, и я никак не мог примириться с мыслью, что мне придётся принимать их как факты. Я с удивлением оглядывал большую комнату без окон, стены, выкрашенные в спокойные цвета; увидел полосы мерцающего красноватого света у потолка и две другие постели – с одной из них доносился тонкий, с присвистом храп Маракота, знакомый мне ещё по „Стратфорду“. Всё это было слишком странно, чтобы в это поверить, и, лишь потрогав оде-

⁸ Эндрю Джон Вольдштед (1860–1947) – американский конгрессмен. В 1919 г. добился проведения в конгрессе закона о запрещении производства, продажи и перевозки спиртных напитков.

яло, сотканное из сухих волокон неизвестного мне морского растения, я убедился, что всё то невероятное, что приключилось с нами, – не сон, а действительность. Я всё ещё не мог освоиться с этой мыслью, как вдруг раздался взрыв хохота и Билл Сканлэн вскочил с постели.

– Доброе утро, Хедли! – крикнул он мне, не переставая смеяться.

– Вы сегодня в хорошем настроении, – ответил я несколько раздражённо. – Не вижу особых причин для восторгов.

– Я тоже, как и вы, повесил было нос, когда проснулся, – ответил он. – Потом мне пришла забавная штука в голову, и я расхохотался.

– А что за штука? Я бы тоже не прочь посмеяться.

– Да вот, Хедли, я подумал, как чертовски забавно было бы нам вчера прицепиться к этому самому лоту. Ведь в этих прозрачных колпаках мы бы прелесть как дышали. Старик Хови поглядел бы – а мы все вылезаем из воды. Он бы решил, что выудил нас, это как пить дать. Вот бы здорово получилось!

Наш дружный хохот разбудил доктора Маракота, который сел на постели с тем же выражением удивления на лице, что за минуту до того было и у меня. Я позабыл о своих заботах, слушая сперва его отрывистые восклицания, потом выражение необузданной радости при виде столь обширного поля для новых исследований, затем горькие жалобы, что он не сможет поделиться своими замечательными наблюдениями с земными коллегами. Наконец, излив свои жалобы, доктор перешёл к более насущным нуждам.

– Сейчас девять часов, – сказал он, посмотрев на часы.

Мы сверили по своим часам: девять. Только вот вопрос: дня или вечера?

– Надо нам завести календарь, – предложил Маракот. – Мы совершили спуск третьего октября. Сюда мы попали к вечеру того же дня. Вопрос: сколько времени мы проспали?

– Да не меньше месяца, чёрт возьми! – ответил Билл Сканлэн. – Ни разу я ещё не спал так крепко с тех пор, как Микки Скотт уложил меня на шестом раунде, когда мы с ним боксировали на фабрике.

Мы вымылись и оделись, ибо всё, что для этого требовалось, оказалось тут же, под рукой. Но дверь была заперта, и было очевидно, что мы пленники. Несмотря на видимое отсутствие вентиляции, воздух был удивительно чист, и мы вскоре обнаружили, что он вливается в комнату через небольшие отверстия в стенах. Отопление было, очевидно, центральное, потому что, хотя печки здесь не было, в комнате было тепло. Вдруг я заметил на стене кнопку и нажал её. Это, как я и ожидал, был звонок, ибо дверь тотчас распахнулась и на пороге появился маленький смуглый человечек в жёлтой тунике. Он вопросительно смотрел на нас тёмными ласковыми глазами.

– Мы голодны, – сказал Маракот. – Дайте нам, пожалуйста, поесть.

Человечек покачал головой и улыбнулся. Ясно было, что он не понимает нас.

Сканлэн попытал счастья, изъяснив ему наши желания на крепком американском жаргоне, на что слуга ответил той же любезной, но непонимающей улыбкой. Когда же я открыл рот и выразительно пожевал палец, наш страж усиленно закивал и быстро исчез.

Через десять минут дверь снова распахнулась, и двое в жёлтых одеждах вкатили столик на колёсах. Будь мы в „Балтимор-отеле“, нам бы не сервировали лучшего завтрака. Здесь были кофе, горячее молоко, булочки, какая-то восхитительная плоская рыба и мёд. С полчаса мы были слишком заняты, чтобы обсуждать, что именно мы едим и откуда всё это явилось. Когда всё было съедено, снова вошли слуги, выкатили столик и тщательно заперли за собой дверь.

– Честное слово, я исщипал себя до синяков, – заявил Билл. – Спим мы или нет, позвольте вас спросить? Слышите, док, вы нас сюда притащили, и ваша святая обязанность – объяснить нам, у кого мы, собственно, в гостях.

Доктор покачал головой.

– Для меня это тоже сон, – сказал он, – но какой изумительный сон! Что бы можно было рассказать миру, сумей мы передать туда наш рассказ!

– Ясно одно, – заметил я, – что в легенде об Атлантиде была правда и часть погибшего народа спаслась каким-то нам пока неизвестным образом.

– Даже если они и спаслись, – ответил Билл Сканлэн, почёсывая в затылке, – то чёрт меня подери, коли я понимаю, как они получают свежий воздух, воду и всё такое! Может быть, когда придёт этот бородатый чудак, он нам что-то брякнет?

– Как же он может нам объяснить, раз у нас нет общего языка?

– Пока подведём итоги собственным наблюдениям, – предложил Маракот. – Одно для меня несомненно, – я понял это, когда ел за завтраком мёд. Мёд был явно синтетический, на земле мы только-только учимся делать такой. Но раз есть синтетический мёд, почему бы не быть синтетическому кофе и муке? Молекулы элементов подобны кирпичам, и они повсюду вокруг нас. Надо только знать, как переместить или вынуть некоторые кирпичи, а иногда всего один кирпич, чтобы получить новое вещество. Сахар превращается в крахмал, а эфир – в алкоголь простой перестановкой кирпичей. От чего же зависит эта перестановка? От теплоты, от электрических влияний. Быть может, и от других причин, о которых мы не знаем. Некоторые вещества изменяются сами собой. Уран становится радием, радий превращается в свинец без всякого вмешательства с нашей стороны.

– Значит, вы полагаете, что у них очень развита химия?

– Совершенно уверен. Ведь к их услугам сколько угодно этих „кирпичей“-элементов. Кислород и водород добываются непосредственно из морской воды. Углерод и азот имеются в изобилии в составе водорослей, а кальций и фосфор – в отложениях на дне. С умом и знаниями чего только не сделаешь!

Доктор ещё продолжал свою лекцию по химии, когда дверь открылась и вошёл Манд, дружески приветствуя нас. С ним вместе пришёл старик, который осматривал нас накануне вечером. Очевидно, это был учёный, потому что он обратился к нам на разных языках по очереди, но ни одного из них мы не понимали. Тогда он пожал плечами и заговорил с Мандом, и тот дал знак двум слугам. Они внесли странный небольшой экран на двух подставках. Экран был похож на обыкновенный кинематографический, но покрыт каким-то составом, который блесстел и переливался в лучах света. Экран приставили к одной из стен. Старик отмерил несколько шагов и провёл черту на полу. Став на неё, он обернулся к Маракоту и прикоснулся ко лбу, указывая на экран.

– Спятил, – усмехнулся Билл. – Винтиков в голове не хватает.

Маракот покачал головой, показывая, что мы не понимаем, чего от нас ожидают. На лице старика выразилось замешательство. Потом, очевидно приняв какое-то решение, он показал рукой на себя, повернулся к экрану и, сосредоточившись, устремил на него взгляд. Через мгновение на экране появилось его изображение. Потом он указал на нас, и вскоре мы заняли на экране его место. Но это были не совсем мы! Сканлэн имел вид опереточного китайца, Маракот похож был на труп, но, очевидно, такими мы казались старику.

– Это отражение его мыслей! – воскликнул я.

– Правильно, – подтвердил Маракот. – Это – удивительнейшее изобретение, которое мы ещё еле-еле нащупываем на земле.

– Вот уж никогда не думал, что увижу себя в кино, если только этот кругломордый китаец и вправду я, – сказал Сканлэн. – Сообщи мы все эти штуки редактору „Леджера“, он бы нас обеспечил на всю жизнь. Да, уж мы бы не остались внакладе, если б сумели передать это на землю.

– В том-то и дело, – возразил я. – Мы бы заставили весь мир разинуть рот от удивления, если бы только выбрались отсюда. Но что он там волнуется, этот старик?

– Он хочет, чтобы вы, док, проделали такую же штуку.

Маракот занял указанное ему место и, сосредоточившись, прекрасно воспроизвёл картину. Мы увидели изображение Манда, потом „Стратфорда“ в ту минуту, когда его покидали.

И Манд, и старик-учёный радостно закивали при виде парохода, а Манд начал делать плавные жесты от нас к экрану.

– Просит рассказать им всё! – воскликнул я. – Они хотят знать по картинкам, кто мы такие и как сюда попали.

Маракот кивнул Манду, показывая, что мы поняли, и начал было „рисовать“ картинки нашего путешествия, но тут Манд прикоснулся к его руке и прервал рассказ. По его знаку слуги унесли экран, и атланты жестами пригласили нас следовать за ними.

Здание было огромное, и мы долго переходили из одного коридора в другой, пока наконец не пришли в большой зал с сиденьями, возвышающимися амфитеатром, как в университетской аудитории. Сбоку стоял экран – такой же, какой мы только что видели, только побольше. Лицом к нему сидели люди; их было около тысячи человек, и при нашем входе раздался одобрителный шёпот. Здесь были мужчины и женщины всех возрастов. Мужчины все бородатые, женщины постарше имели весьма почтенный вид, а девушки блистали красотой. Мы лишь мельком могли взглянуть на толпу. Нас усадили в первом ряду, а Маракота поставили на кафедру перед экраном. Потом огни угасли и был дан сигнал к началу.

Маракот прекрасно восстанавливал в своём воображении сцены пережитого. Сперва мы увидели, как наш корабль выходит из устья Темзы, и ропот удовольствия прошёл по рядам при виде настоящего современного города. Потом появилась карта, на которой был отмечен наш путь. Затем показалась стальная кабинка, и по оживлению в зале ясно было, что её уже видели. Кабинка опускалась всё глубже и глубже. И вот появился чудовищный рак, погубивший нас.

– Маракс! Маракс! – закричали зрители при появлении чудовища.

Ясно, что они знали и боялись его. Но вот чудовище стало перетирать канат, и раздались крики ужаса, перешедшие в вопль, когда канат оборвался и кабина полетела в бездну. Рассказывая целый месяц, мы не объяснили бы всё так подробно, как за получасовую лекцию-демонстрацию.

Когда зажёгся свет, вся аудитория собралась подле нас, проявляя знаки симпатии и удовольствия, похлопывая нас по плечу, всеми силами стараясь дать нам понять, что они нам рады. Нас по очереди представили некоторым старшинам. Но они отличались от всех остальных лишь знаниями и мудростью, иных различий между ними, казалось, не было, и одеты все были примерно одинаково. У мужчин были короткие, до колен, шафрановые туники с поясами; обуты они были в высокие сандалии из упругого чешуйчатого материала, вероятно из кожи какого-то морского животного.

Женщины живописно драпировались в розовые, синие, зелёные одежды и были украшены нитками жемчуга и мелких перламутровых раковин. Многие были так прекрасны, что на земле невозможно было бы найти им равных. Там была одна... Но зачем вмешивать мои личные чувства в рассказ, представляющий общественный интерес? Скажу лишь, что Мона – единственная дочь Манда, одного из вождей народа, и что с самой первой нашей встречи я прочёл в её взоре симпатию и сердцем почувствовал, что и она поняла моё восхищение её красотой. Пока больше ничего не буду говорить об этой прелестной девушке. Достаточно сказать, что новое, сильное чувство вошло в мою жизнь. Потом, когда я увидел, как непривычно оживлённый Маракот жестикулирует перед одной приятной, любезной особой, а Сканлэн, окружённый группой смеющихся девушек, жестами выражает им своё восхищение, я понял, что и мои спутники нашли в нашем трагическом приключении приятную сторону. Если мы погибли для надводного мира, то нашли иной, где, по-видимому, жизнь обещает хоть как-то вознаградить нас за утраченное.

Позже Манд и другие наши новые друзья водили нас по различным помещениям бесконечного здания. Здание настолько вросло в дно океана, что проникнуть в него можно было

лишь через крышу, и отсюда длинные коридоры лабиринтом спускались всё ниже и ниже, пока не достигли глубины нескольких сот метров под уровнем входа.

Фундамент здания, покоившийся на первоначальном дне океана, сообщался с новыми коридорами и ходами, которые вели глубоко под землю. Нам показали аппараты, вырабатывающие воздух, и насосы, разгонявшие его по всему огромному зданию. Маракот с восхищением и уважением указал нам на маленькие реторты, где вырабатывались аргон, неон и прочие газы, роль которых для дыхания мы на земле только-только ещё начинаем понимать. Чрезвычайно интересны были огромные дистилляторы для свежей воды и огромные электрические установки, но большая часть машин была так сложна, что мы не в силах были разобраться в их деталях. Могу только заявить, что видел собственными глазами и попробовал на вкус различные химические элементы в жидком и газообразном состояниях, которые вводились в аппараты и подвергались там обработке теплом, давлением и электричеством, и в результате машины производили муку, чай, кофе, вино и множество других продуктов питания.

При самом поверхностном осмотре здания, тех его частей, которые нам были открыты для осмотра, нас поразило одно обстоятельство. Нам стало совершенно очевидно, что затопление страны было предусмотрено её обитателями задолго до катастрофы и они своевременно позаботились об организации защиты от неминуемой гибели. Совершенно понятно и в доказательствах не нуждается то обстоятельство, что подобные предосторожности не могли быть приняты после катастрофы, что всё огромное здание с самого начала строилось с расчётом послужить в случае наводнения убежищем и постоянным жильём для народа. Огромные машины, вырабатывающие воздух, пищу, дистиллированную воду и другие необходимые продукты, были заблаговременно помещены в стенах здания и составляли его органическую, неотъемлемую часть. Были предусмотрены выходы с крыши, организованы мастерские, изготовлявшие прозрачные колпаки-скафандры, установлены колоссальные насосы для откачивания воды из специальных камер, сообщавшихся непосредственно с океаном. Всё это было заготовлено с умом и дальновидностью удивительно культурного народа, который, как мы имели возможность убедиться, в своё время простирает свою руку к Египту и Южной Америке и, таким образом, оставил по себе память на земле даже после того, как сама чудесная Атлантида погибла под волнами. Что же до их потомков, то они, что вполне естественно, несколько выродились и застыли на одной точке прогресса. Они сохранили знания предков, но у них не хватало энергии развить их, пополнить. Они располагали огромными возможностями, но нам казалось, им не хватает инициативы и они мало что сделали, чтобы приумножить богатейшее наследие, доставшееся им от предков. Я уверен, что, если бы их огромные знания достались Маракоту, он сотворил бы великие дела. Что касается Сканлэна, с его острым, живым умом прирождённого механика, то он им всё время показывал разные диковинки, так же удивлявшие их, как их изобретения удивляли нас. Садясь в стальную кабинку перед спуском, он не забыл сунуть в карман свою любимую губную гармонику, и теперь она была непрерывным источником радости наших подводных друзей. Они садились вокруг Билла и слушали его, как мы слушаем Моцарта, а он наигрывал им то весёлые, то грустные песенки своей далёкой родины.

Я уже упоминал, что не всё здание было нам предоставлено для осмотра, и хочу несколько подробнее рассказать об этом. В здании был один запущенный на вид коридор, по которому постоянно сновали люди, но наши проводники тщательно его избегали. Естественно, это возбуждало наше любопытство, и однажды вечером мы решили на свой страх и риск заглянуть туда. Мы тихонько выбрались из нашей комнаты и направились к неизвестной части здания, где, по счастью, почти никого не встретили.

Коридор привёл нас к высокой двери-арке, которая, как мне показалось, была из чистого золота. Растворив дверь, мы очутились в большом зале, образующем четырёхугольник площадью не меньше ста метров. Стены были разрисованы яркими красками и украшены изображениями и статуями уродливых существ со странными головными уборами, вроде тех, что

носили в старину американские индейцы. В конце большого зала возвышалась огромная сидячая фигура со скрещенными, как у Будды, ногами, но лицо её отнюдь не выражало нерушимое спокойствие, свойственное Будде. Наоборот, это было воплощение зла, идол с открытой пастью и свирепыми красными глазами, освещёнными изнутри электрическими лампочками. На коленях идола был большой чёрный жертвенник – очаг, в котором, подойдя поближе, мы увидели кучи пепла.

– Молох! – сказал Маракот. – Молох, или Ваал, древний бог финикийцев.

– Чёрт возьми! – воскликнул я, вспомнив о Карфагене. – Неужели этот культурный народ совершает человеческие жертвоприношения?

– Послушайте, Хедли! – забеспокоился Сканлэн. – Надеюсь, они будут держать эту свою дурь про себя. Нам это уж вовсе ни к чему.

– Я думаю, они уже получили хороший урок, – ответил я. – Несчастье учит милосердию.

– Правильно, – поддержал Маракот, взглядываясь в пепел. – Это старый бог их предков, но формы культа, видно, обновились. Посмотрите на этот пепел. Это остатки сожжённых хлебов, злаков и тому подобного. Но возможно, было время, когда...

Наши размышления прервал сердитый голос, и, обернувшись, мы увидели нескольких людей в жёлтых одеждах и высоких шапках, вероятно жрецов храма. По выражению их лиц я увидел, что мы весьма близки к тому, чтобы стать последними жертвами Ваала: один из жрецов угрожающе вытащил из-за пояса нож. Криками и грозными жестами они грубо вытеснили нас из храма.

– Чёрт подери! – возмутился Билл. – Я вот сейчас двину этого типа, если он ещё раз до меня дотронется!

В первое мгновение я испугался, что Билл затеет в этом святилище скандал. Но нам удалось увести разъярённого механика, и мы все вернулись к себе в комнату, однако по выражению лиц Манда и других мы поняли, что поход наш получил огласку и все нас осуждают.

Зато в другое святилище нас пускали невозбранно, и там мы случайно нашли возможность, правда весьма несовершенную, для общения с нашими хозяевами. Это была комната в нижней части храма без всяких украшений, только в одном углу стояла пожелтевшая от времени статуя слоновой кости, изображавшая женщину с копьём в руке и с совой на плече. Комнату охранял дряхлый старик, и несмотря на то, что он был очень стар, мы поняли, что это представитель иной, более красивой и рослой расы, чем жрецы. Мы с Маракотом смотрели на статую, стараясь припомнить, где мы видели нечто похожее, когда старик обратился к нам.

– Теа, – сказал он, указывая на статую.

– Чёрт возьми! – воскликнул я. – Он говорит по-гречески!

– Теа Афина! – повторил старик.

Сомнений не было. Он говорил: «Богиня Афина».

Маракот, человек удивительно универсального ума и огромных знаний, начал задавать ему вопросы на классическом греческом языке, которые старик понимал лишь отчасти и отвечал на столь архаическом диалекте, что понять его было почти невозможно. И всё же Маракоту удалось кое-что узнать, он нашёл посредника, через которого можно будет хоть что-то передать атлантам.

В тот же вечер Маракот говорил нам возбуждённо, тоном лектора, обращаясь к большой аудитории, и, как всегда, высоким, пронзительным голосом:

– Это поразительное доказательство достоверности легенды. Легенда основывается на фактах, даже если последующие века постоянно их искажают. Вам известно или, скорее, неизвестно, – («Вот это верно сказано», – вставил Сканлэн), – что во время катастрофы, разразившейся над несчастным островом, между древними греками и атлантами происходила кровопролитная война. Эти факты описаны Солоном со слов жрецов Саис. Мы можем допустить, что в ту эпоху у атлантов были греческие пленники, что некоторые из них были отданы для

службы в храмы и принесли с собой свою религию. Насколько я мог понять, старик – наследник древних греческих жрецов, и, быть может, когда мы познакомимся с ним поближе, мы узнаем что-нибудь и об этом древнем народе.

– Что ж, я на стороне греков, – заявил Билл. – В конце концов, уж если хочешь вылепить себе бога, так пусть лучше это будет красивая женщина, чем красноглазое чудовище с камином на коленях.

– Хорошо, что они не могут читать ваших мыслей, – сказал я. – Иначе вам, пожалуй, не миновать судьбы христианских мучеников.

– Ну, на этот счёт будьте покойны, – возразил Билл. – Пока я им изображаю джаз-банд на гармонике, нас не тронут. Кто же тогда их будет забавлять?

Это был весёлый народ, и мы вели чудесную жизнь, но бывали и бывают времена, когда сердце стремится в родные края, когда встают в воображении квадратные башни Оксфорда и старые вязы Гарварда. В первые дни нашей подводной жизни они мне казались такими же недостижимо далёкими, как лунный ландшафт, и лишь теперь у меня появляется слабая, робкая надежда, что когда-нибудь я их всё-таки увижу.

IV

Через несколько дней нас, гостей или пленников – временами мы и в самом деле не знали, кем себя считать, – взяли в экспедицию на дно океана. С нами отправилось шестеро во главе с Мандом. Собрались мы всё в той же входной камере, через которую проникли сюда впервые, и теперь могли более подробно осмотреть её устройство. Это была большая квадратная комната не менее тридцати метров в длину и ширину; её низкие стены и потолок были сплошь покрыты зелёной плесенью. По стенам комнаты виднелся длинный ряд крючков со знаками, которые, как нам объяснили, были цифрами, и на этих крючках висели прозрачные колпаки; каждый из них был снабжён парой батарей для дыхания. Пол был выстлан плитами из светлого известняка, выщербленного ногами многих поколений, и в углублениях застаивалась вода. Комната была ярко освещена трубками, подвешенными к карнизу. Нас заключили в прозрачные колпаки и дали каждому по толстой остроконечной палке, вроде багра, из какого-то чрезвычайно лёгкого металла.

Потом по данному сигналу Манд велел нам ухватиться за перила, окружавшие комнату. Он сам подал нам пример, а за ним и другие атланты. Скоро выяснилась причина этой предосторожности. Как только открылась наружная дверь, воды океана ворвались в комнату с такой силой, что, не держись мы за перила, бушующий поток тотчас же свалил бы нас с ног. Вода быстро поднималась, и, когда она покрыла нас с головой, напор сразу ослабел. Манд первый двинулся к выходу, и через мгновение мы уже были на дне океана, оставив за спиной открытую дверь входной камеры.

Оглядываясь по сторонам в холодном мерцающем свете, слабо озарявшем дно океана, мы могли свободно различать всё на расстоянии полукилометра. Больше всего нас удивила яркая, светящаяся вдалеке точка, но что это было, мы пока не могли разобрать. К этой точке и направил нас наш предводитель, а мы гуськом шли за ним. Идти приходилось медленно из-за упругой водной среды, да и ноги глубоко вязли в мягком иле, покрывавшем дно океана; но вскоре мы ясно увидели, откуда льётся загадочный свет, привлёкший наше внимание. Это была наша стальная кабинка – последнее воспоминание о земной жизни! Она лежала боком на одном из куполов этого огромного здания, всё ещё ярко освещённая изнутри. Сжатый воздух сохранил от вторжения воды ту её часть, где были электрические установки. Странное ощущение испытывали мы, рассматривая через иллюминатор знакомую внутренность нашей стальной кабины, наполненной водой, в которой скользили, как в аквариуме, несколько крупных рыб, напоминающих миног. Один за другим мы проникли в кабинку через открытый люк. Маракот хотел

непрерывно спасти записную книжку, плававшую на поверхности воды, а мы со Сканлэном решили захватить кое-что из личного имущества. За нами влез и Манд с двумя спутниками и стал с интересом рассматривать глубиномер, термометр и другие приборы, прикреплённые к стенкам. Кое-какие из них мы сняли и забрали с собой.

Учёным будет небезынтересно знать, что на самой большой глубине, куда только спулся человек, температура равна пяти градусам по Цельсию, то есть значительно выше, чем в верхних слоях океана. Объясняется это непрерывным химическим процессом разложения ила и возникающей в связи с этим теплотой.

Оказалось, что, помимо лёгкой прогулки по дну океана, наша экспедиция имела определённую цель. Мы добывали пищу. Я видел, как наши спутники вдруг ударяли острыми баграми, всякий раз пронзая большую коричневую плоскую рыбу, несколько похожую на камбалу. Этим рыб было множество, но они так сливались окраской с илом, что заметить их мог лишь опытный глаз. Вскоре у каждого из наших спутников было уже по две-три рыбины. Немного погодя мы со Сканлэном тоже наловчились бить рыбу и поймали каждый по паре, но Маракот двигался точно во сне, весь поглощённый чудесами морского дна, и произносил длинные взволнованные речи, которые мы не могли слышать. Мы видели только, что губы его беспрерывно шевелятся. На первый взгляд дно океана показалось нам унылым и однообразным, но вскоре мы убедились, что серая равнина изборождена бесчисленными подводными течениями, пересекающими её, как подводные реки. Эти течения прорывают каналы в мягком слое ила и образуют настоящие речные ложа. Дно каналов состоит из красной глины, которая образует фундамент всего дна океана, и сплошь устлано какими-то белыми предметами, которые я сперва принял за раковины, но при ближайшем рассмотрении они оказались костями китов, зубами акул и других морских чудовищ. Один из таких зубов, поднятый мною, имел пятнадцать дюймов длины. Какое счастье для нас, что чудовища, обладающие таким страшным оружием, живут преимущественно в верхних слоях океана! По мнению Маракота, этот зуб принадлежал гигантскому полулегендарному хищнику Орка-гладиатор. находка лишней раз подтверждала нашумевшее в учёных кругах заявление Митчела Хиджеса о том, что у самых огромных акул, которых ему удавалось поймать, на теле имелись исполинских размеров раны, а значит, существуют ещё более свирепые и сильные чудовища, чем они сами.

Одна странность особенно поражает наблюдателя дна океана. Это, как я уже упоминал, постоянный холодный свет, излучаемый огромными фосфоресцирующими массами разлагающихся органических веществ. Но выше темно, как ночью. Это создаёт иллюзию сумеречного зимнего дня, когда низко над землёю тянутся огромные мрачные тучи. Из этой мглы медленно, но беспрестанно падает что-то лёгкое, белое, поблёскивающее, будто хлопья снега. Это раковины морских улиток и других мелких морских животных, которые живут и умирают в восьмикилометровом слое воды, отделяющем нас от поверхности, и хотя многие во время падения растворяются и образуют известковые соли, которыми богат океан, другие, падая год за годом, образуют мягкий органический вековой слой, погребаяющий великий город, в верхней части которого мы теперь живём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.